

3.

Дом Смитов простоял на утесах над морем добрых три века, и за это время в него ни разу не ступала собачья нога. Ни разу! Прочные дубовые балки стойко выдерживали натиск всех сил природы. Землетрясения, ураганы, солнечные затмения, попадания метеоритов (их было два), молнии (четыре) — ничто их не поколебало. Порой дом подвергался испытаниям державной мощью, причем державы были разные: британские войска чуть не сожгли его, генерал Джексон по прозвищу Каменная стена* похвалялся, что устроит в нем свою штаб-квартиру, а капитан немецкой подлодки в годы Второй мировой прикидывал, обрушится ли он в море, если разнести подпирающие его скалы торпедой.

Но ему все было нипочем — пока не появилась Чернуха.

Поздно вечером, когда Генри и его родители вернулись домой из больницы, Чернухи не было в каретной, где Генри ее оставил. Каким-то образом она умудрилась повернуть щеколду и открыть дверь. Но это оказалось не самым

* Знаменитый американский полководец, сражавшийся на стороне южан в Гражданской войне 1861–1865 гг.

грандиозным из ее свершений. Выбравшись из каретной, она обошла дом кругом, а поскольку заднюю дверь никто не запер — ведь дом построили далеко-далеко от Беды, — отодвинула щеколду и на ней тоже. Дверь так и стояла нараспашку, и Смиты перешагнули порог и двинулись по следам Чернухи с постепенно нарастающим ужасом.

Сначала Чернуха направилась в кухню — должно быть, потому, что уже знала туда дорогу. Там она стала открывать носом шкафчики, нашла, где хранятся продукты, и принялась вываливать на пол рыбные консервы, сеточки с луком, банки с маринованными овощами и яблочным повидлом и бутылочки с нью-гемпширским кленовым сиропом. Вскоре она обнаружила то, что искала, — банку арахисового масла с неплотно закрытой крышкой, — и вылизала ее дочиста, съев столько, сколько ей хотелось, а остаток размазав по каменному полу и шкафчикам из светлого дерева.

Затем Чернуха переместилась в библиотеку, залезла на письменный стол отца Генри — этот стол был старше самого дома, и когда-то за ним сиживал секретарь Оливера Кромвеля, — и наследила там своими масляными лапами. Оттуда она перепрыгнула на диван, погрузив когти глубоко в красную кожу — что ей, очевидно, понравилось, так как она прошлась по нему из конца в конец и лишь затем решила попробовать на вкус его левый подлокотник.

Оттуда Чернуха проследовала в южную гостиную и вытерла морду, на которой еще оставалось немного арахисового масла, о полотняный гобелен из Байё. Потом она села на пуфик у окна, дабы насладиться видом Атлантики. Однако сиденье, видимо, показалось ей недостаточно ровным, и она выдрала оттуда почти всю набивку. После этого она слезла на пол и попыталась изловить себя за хвост — по крайней мере, так предположил Генри, ибо царапины на итальянской плитке шли кругами.

Затем она поднялась на второй этаж и в заключение — кстати, еще чуточку арахисового масла все-таки сохранилось на ее лапах вплоть до этого момента, о чем свидетельствовал восточный ковер, — в заключение изучила коллекцию старинного китайского фарфора, расставленную здесь на полках еще в те времена, когда в Массачусетском заливе была английская колония. В результате синие чашечки на нижней полке едва не упали, сдвинутые к самому краю, и это оказалось для родителей Генри последней каплей.

— Найди эту собаку и избавься от нее, — сказала мать Генри, с трепетом осматривая фамильный фарфор. — А потом — за уборку. Ведь это ты привел ее в дом, Генри. Тебе и отвечать.

Возразить Генри было нечего, и он отправился на поиски Чернухи.

Найти ее оказалось несложно, поскольку масляные пятна были хорошо видны на стенах коридора. Он снова подумал о том, какой арахисовый ураган она устроила на кухне — ураган, последствия которого были прекрасно видны, даже когда он наконец нашел ее, завернувшуюся в лоскутное одеяло на его кровати, уткнувшую свой масляный нос под масляный хвост и спящую крепким, счастливым и абсолютно безмятежным сном.

В комнате разило арахисовым маслом.

Он распахнул окна, но при первом же звуке Чернуха вскинула голову, наострила уши и заблестела глазами. Она спрыгнула с постели, волооча за собой одеяло, — «Ну вот что, Чернуха!» — закружила вокруг него, подпрыгивая от радости, — «Тебе придется...» — и наконец хлопнулась ему под ноги и выставила брюхо, — «А ну прекрати!» Она поболтала лапами в воздухе, дожидаясь, пока Генри почешет ее и скажет, какая она хорошая собака.

Что он, разумеется, и сделал.

После чего отвел ее обратно в каретную и обмотал щеколду цепочкой, чтобы предотвратить очередной побег.

Весь остаток вечера он оттирал отовсюду арахисовое масло, а его мать тем временем мыла фарфор и звонила в мебельную мастерскую.

Они ужинали в унылом молчании, стараясь не замечать, как жалобно лает, скулит и воет Чернуха. Но когда настала пора унылого молчаливого десерта, они не могли не услышать звяканья щеколды на задней двери, цоканья когтей по каменному полу и громкого счастливого взлая, с которым Чернуха отыскала Генри в столовой.

Около его стула она шлепнулась навзничь и показала брюхо. «Ну разве я не умница?» — словно говорила она.

Мать Генри выпрямилась.

— Тебе придется выгнать эту собаку, — сказала она.

— Может, она успокоится, если я буду побольше с ней гулять, — сказал Генри.

— Боюсь, ей и марафона не хватит. Кроме того, Генри, уж очень она противная. От нее воняет.

— Это из-за арахисового масла. Я ее вымою.

— И крушит все подряд.

— Я буду держать ее на привязи.

— Вдобавок не думаю, что эти шрамы...

Тишина.

Долгая тишина.

— Да нет, ничего, — прервал молчание отец Генри.

Все они смотрели, как Чернуха лежит на спине, радостно пыхтит и ждет, пока ее почешут.

Потом Генри встал, перешагнул через нее, свистнул, и они вместе пошли в Бухту спасения, где Чернуха принялась неуклюже, но очень быстро носиться по песку, держась подальше от воды и то и дело подбегая к Генри, чтобы показать ему свое пузо.

Поздно вечером Генри привязал Чернуху к клену с распускающимися листочками под своим окном. После того как она часа два жалобно плакала и скулила, визжала и лаяла, Генри украдкой выбрался из дома и пустил ее внутрь. Ему пришлось взять ее на руки, чтобы не разбудить родителей — если они вообще спали, — и она так извивалась и выворачивалась, как будто ее несли на электрический стул. Но как только он притащил ее к себе в комнату, где до сих пор слегка пахло арахисовым маслом, и поставил на пол, она тут же пустилась вокруг него в пляс.

— Прекрати! — шепотом рявкнул Генри. Должно быть, это получилось у него слишком уж сурово, потому что Чернуха прижала уши к голове и спрятала хвост под животом.

— А ну ложись, — сказал Генри.

Чернуха потопталась по кругам, нарисованным на коврике Генри, и улеглась среди них. Она немного поерзала, устраиваясь поудобнее на мягкой и теплой подстилке, затем опустила голову. Ее глаза — чудесные карие глаза — следили за каждым движением Генри.

— Лежать, — сказал Генри и выключил свет.

За окном сияла луна. Полная и яркая, она заливала серебром всю комнату. Далеко внизу выплескивались на скалистый берег ленивые волны.

— Хорошая собака, — сказал Генри.

Чернухе не понадобилось другого приглашения — она мгновенно подняла голову и одним махом вспрыгнула к нему на кровать.

— Эй, Чернуха! — зашипел он. Но Чернуха уже копалась в стеганом одеяле, устраивая себе местечко. Она посмотрела на Генри, ухмыльнулась и плюхнулась у него в ноги. Через миг она уже спала. Лунный свет бережно отполировал ее шерсть до мягкого желтоватого блеска.

Генри лег на спину.

Но ему не спалось. Он прислушивался к медленному, ровному дыханию Чернухи, и ему казалось, что он различает за ним голос брата.

Катадин.

Он снова видел, как брат шарит глазами по комнате, ища среди всех остальных его лицо.

Катадин.

Эта гора маячила в темноте перед Генри. Ее высокие пики в окружении зеленых равнин. Гора-кольцо, будто стоящая на страже синего озера, в котором она полощет ноги. Ее крутые каменные склоны. Запах разогретого на солнце гранита. Свист ветра, гуляющего по обрывистым тропкам вблизи вершины. Генри лежал, слушая посапывание Чернухи и настойчивый голос брата.

«Катадин».

«Почему именно туда?» — спросил Генри месяц тому назад.

«Потому что потому, — ответил Франклин. — Что, сдрейфил?»

«Нет».

«А зря. Раз тропу назвали Лезвием Ножа, это тебе не просто так. Там знаешь сколько людей погибло?»

Генри слушал его с круглыми, широко раскрытыми глазами.

«Если ты залез на Катадин, значит, у тебя есть характер. Тогда тебе всё по плечу».

«Что всё?»

«Да что угодно. Тебе никакая беда не страшна. Вот, допустим, ты узнал в школе, что кто-то, кому вообще не место в Лонгфелло, разговаривает с Луизой. А может, он и еще чего от нее хочет. Тогда ты должен с ним разобраться. Должен найти этого хмыря, отвести его в уголок, где можно поговорить один на один, посмотреть ему прямо в глаза и сказать, чтобы он от нее отстал. А чтобы он понял,

насколько это серьезно, ты должен прижать его к стенке и сдавить ему горло, вот так. — Франклин толкнул Генри к стене и придавил ему горло предплечьем. — Тогда он поймет, что с тобой шутки плохи. Поймет, что ты не потерпишь, чтобы урод вроде него трогал твою сестру... Понял, о чем я?»

«Да», — сказал Генри, хотя он ничего не понял.

Франклин убрал руку с его горла.

«Вот что значит подняться на Катадин, — сказал он. — Если ты это осилил, то у тебя есть характер и ты можешь сам справиться с любой бедой. Только есть тут одна загвоздочка, Генри».

Генри смотрел на него.

«Я видел, как ты играл с ребятами из Кенилуорта, и скажу прямо: с характером у тебя неважно». — И Франклин ткнул его кулаком в плечо. Больно. А потом рассмеялся и ушел.

Генри лежал в темноте. Чернуха поскуливала во сне.

На следующее утро Генри собрался в школу в первый раз после того, как Беда отыскала их дом. Он встал пораньше, чтобы вынести извивающуюся Чернуху из комнаты и дальше, во двор. И у него почти получилось — только в последнюю секунду на кухню вошла Луиза, которая уже собралась в Лонгфелло. Она ничего не сказала. Поэтому Генри опустил Чернуху на пол, она тут же подбежала к Луизе, завалилась на спину и радостно запыхтела. Луиза присела на корточки и легонько потрепала ее по животу.

— Пахнет арахисовым маслом, — сказала она.

— Я еще не успел ее помыть, — ответил Генри.

— Это для нее не главное, — тихо пробормотала Луиза.

Тут вошла мать. Луиза встала. Чернуха улыбнулась ей и заскулила. Луиза посмотрела вниз, на ободранную, израненную собаку. И вдруг, как будто само время расколосось

надвое и из него высыпалась вся начинка, метнулась через кухню к матери и зарыдала в ее объятиях, но без звука и без слов. Мать гладила ее черные волосы. Но это продолжалось всего несколько секунд — потом время снова склеилось, Луиза отпрянула от матери и выбежала из кухни. Они слышали, как по лестнице простучали ее шаги.

Мать Генри оперлась рукой о стол — похоже, у нее подкашивались ноги.

— Выведи собаку из дома, — сказала она.

Генри послушался и повел Чернуху в Бухту спасения. Вода стояла высоко, и волны разбивались о берег, будто повторяя: *Катадин, Катадин, Катадин*. Сердце Генри сильно застучало в груди, когда он подумал, как понравилось бы Луизе бегать с Чернухой. Как Франклину понравилось бы бегать с Чернухой, а теперь он никогда... Но эту предательскую мысль Генри придушил сразу.

Ничего, Франклин еще побеждает. Это же не кто-нибудь, а Франклин Смит — тот самый, наш единственный и неповторимый Франклин Смит!

Но где-то в глубине души у Генри все равно пряталась надежда, что сама Чернуха скорее предпочла бы бегать с ним, чем с его братом или сестрой.

Потом мать окликнула его сверху.

Оказалось, что Смит-старший, который собирался отвезти Генри в школу, все-таки решил остаться дома и сегодня — после несчастья с Франклином он еще ни разу не был в своем бостонском офисе. Так что за руль села мать. Чернуха ехала с ними на заднем сиденье, потому что они не успели помешать ей запрыгнуть в машину. Если не считать ее пыхтения, они ехали в тишине. Генри уже понял, что Тишина — лучшая подруга Беды.

Генри с удивлением обнаружил, что в Уитьере все выглядит по-прежнему — а ведь его не было здесь целых полжизни и за это время весь его мир стал другим. Но жизнь